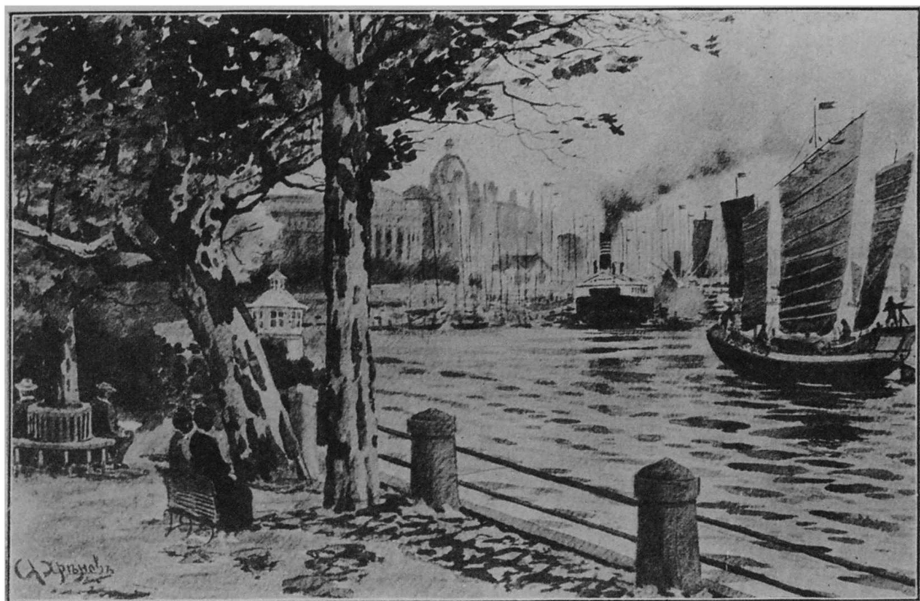
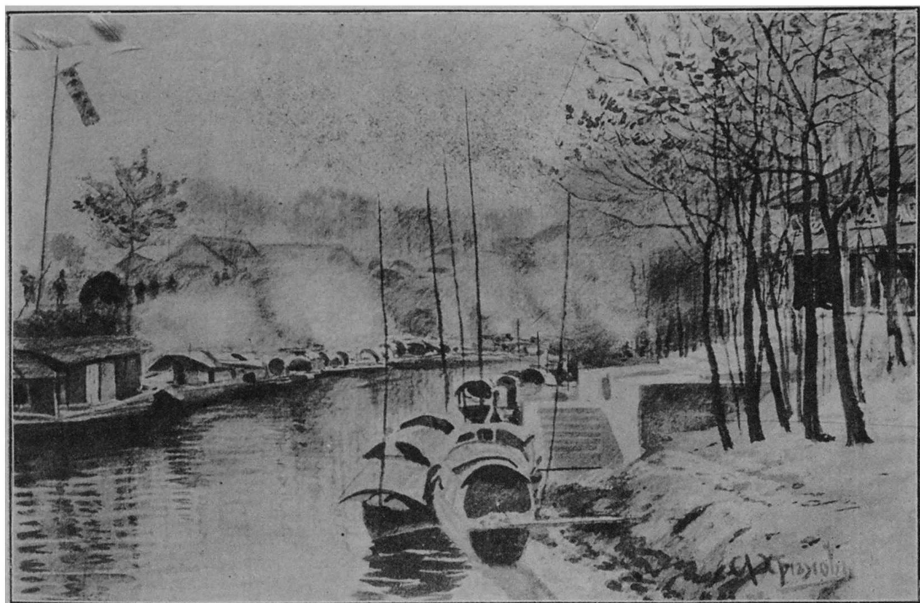

Паблик Гардэн в Шанхаѣ.

Съ авт. худ. А. С. Хрѣнова.

Сиккавейскій канал.

Съ авт. худ. А. С. Хрѣнова.

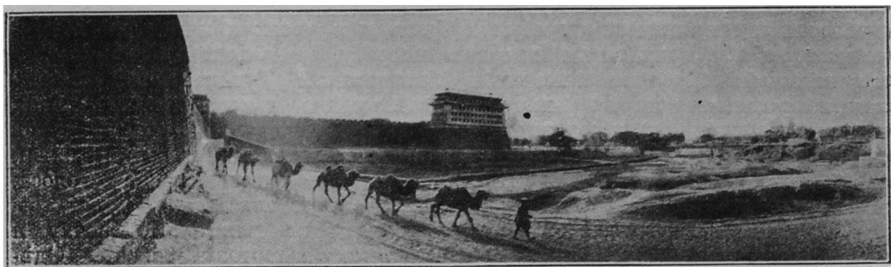

Photo H. Lee Co

ЖЕЛТЫЙ ЛИК.

(Очерки одинокого странника.*)

1. В КИТАЙСКОМ ПОРТУ.

Почти в центрѣ города вьется тѣсными проходами и змѣвидными переулками узкая улица, тянущаяся на протяженіи версты вдоль Су-Чжоусскаго канала. Днем улицы эти с прилегающими к ним переулочками мало чѣм отличаются от сосѣдних кварталов. Гортанно напѣвая свои товары одиноко бродят уличныя продавцы: позванивают инструментами цырюльники, неумолчно стонут, перетаскивая тяжести, кули. В черных, свѣтящихся бѣлым огнем горна кузницах непрерывно лязгает желѣзо, дробно заливаются молотки гробовщиков, изрѣдка хрипло прокричит рикша, лавируя в узком проходѣ, меж нависшими глинобитными стѣнами.

По обѣим сторонам улицы тянутся элевонныя канавки, переполненные отбросами, грязью и разрытыми, гнѣющими трупами животных. Узенькая доска над канавой ведет в задѣланное толстыми бамбуковыми столбами отверстіе в стѣнѣ. Сквозь щели бамбуковых рѣшеток можно разглядѣть маяющія в глубинѣ темных клѣтушек женскія фигуры в бѣлом.

К вечеру, когда начинает темнѣть, из отверстій клѣтушек удаляют столбы и, одна за другой, появляются на улицъ грязныя, растрепанныя китайки, с красными, заспанными глазами и изуродованными кровоподтеками и в безчисленных ссалинах лицами. Онѣ визгливо громко переговариваются с разных концов, ругаются, хохочут и поют, наполняя весь обширный квартал гортанно-сиплыми бранными выкриками и гогом истеричных, испитых голосов...

В глубинѣ клѣтушки виднѣется узенькая лѣстничка со сгнившими, сломанными ступеньками без перил и тускло смердит маленькій ночник перед осколком зеркала на стѣнѣ, вокруг котораго столпилась кучка китайок с принадлежностями китайской косметики, дѣлающих свой туалет к приему гостей... Онѣ всѣ почти одинаково одѣты в бѣлых узеньких

*) См. предыдущіе очерки цикла: „Желтый лик“ в альманахѣ „Дальній Восток“; Шанхай, 1920.

штанишках и коротеньких курточках и лишь красочныя яркія украшенія в волосах и металлическіе гребни и булавки в косах и над стриженными челками на лбу, придают им базарную пестроту, очень похожую на украшенія лошадей на конской ярмаркѣ в Малороссіи... Тут-же в углу, за столом, сморщенные старыя китайки, совершенно лысыя с засаленными черными бантами над лбом, играют в кости. Во мглѣ рѣзко звучит сухой стук костей под худыми, костляво-жилистыми пальцами старых вѣдьм и, заглушенно, как тайна, раздаются старческіе, вздрагивающіе голоса, неожиданно выплывающіе из под низких балок потолка...

Среди бѣлых женских силуэтов гуляют по улицѣ в одиночку и группами голодные, полуголые безработные кули и портовые рабочіе. Одѣтые в лохмотья, грязные, черные от копоти, в угольной, мучной и известковой пыли, они медленно плетутся вдоль стѣн, временами останавливаясь у раскрытых дверей, гдѣ оголенные китайки красятся при коптящих ночниках. Завидя группу прилично одѣтых купцов, женщины вполыхах выбѣгают из клѣтушек на улицу, хватают их за руки, ласкают и обнимают их, безстыдными жемами зазывают к себѣ, тут же вступают в драку со своими соперницами, образуя тѣсно сплетенный ком живых женских тѣл, пока со стороны не появится всевластный, одѣтый в хаки с красной чалмой на головѣ, полицейскій индус с толстой палкой в рукѣ...

На порогах, среди зазывающих женщин, выдѣляются хрупкія тоненькія фигурки дѣвочек-подростков. Ярko и грубо накрашенные, с пестрыми ленточками в тугих косичках, онѣ выглядят, как куколки в витринах, на базарѣ женских тѣл. Нѣкоторыя из них безпомощно жмутся к взрослым женщинам или испуганно раскрыв раскосые, черные блестящія глазки, теребят худыми, вздрагивающими пальчиками застежки на курточках, боязливо прячутся в тѣни коморок. Другія гордо стоят на порогах, старательно подражают проституткам, визгливо зазывающим прохожих заложив рученки глубоко в карманы штанишек, с видом бравых новобранцев, благополучно перенесших первое боевое крещеніе...

Мѣстами улица настолько узкая, что прохожіе задѣвают стѣны локтями. К ночи канавы переполняются, расплываются по всей улицѣ и далеко вокруг распространяют душливый запах гнющих отбросов и человѣческих испражнений, смѣшанный с терпко-сладковатым запахом рисовой пудры, дешевых китайских духов и смолистых куреній...

Среди клѣток проституток ютятся смрадные уличные трактиры и кухни. Здѣсь, под нависшими сводами черных, закоптѣлых потолков, в густом непроницаемом дыму, на нарах у столов, кули играют в карты и кости, жално набрасываются на деликатессы родной кулинаріи, быстро работая захватанными палочками над глиняными мисочками. Кое-гдѣ гремятъ китайскіе оркестры, уличные торговцы зычно выкликают свои товары, поют, переругиваются, свистят, перебивают друг друга, спьяна заводят ссоры по малѣйшему поводу, а то и совсѣм без всякаго повода, вступают в драку с сосѣдными группами, увлекают по пути столы, густо уставленные посудой, в алком гулѣ и грохотѣ цѣпляются друг за друга, буйствуют и рабски разбѣгаются в разныя стороны, завидя вдали одинокаго индуса-полицейскаго....

С напускной важностью, медленным степенным шагом, блюститель порядка обхоит свой квартал с бѣлой палкой в рукѣ... Кули разсыпаются перед ним по многочисленным переулкам и темным проходкам; лишь купцы и солидные приказчики в темных шелковых халатах и круглых атласных шапочках-ермолках, как ни в чем не бывало, серьезно-дѣловито осматривают женщин на порогах, холодно прицѣпываясь к живому товару. Индус, поровнявшись с ними, снисходительно скалит сверкающіе, ослѣпительно бѣлые над черной бородой зубы, добродушно шутит с проститутками,

коверкая китайскія и англійскія слова. Знакомыя женщины оживленно привѣтствуют его, ласкаются к нему, обнимают его и дикой, сдержанной страстью блестя на черном ликѣ жгучіе глаза, судорожно вздрагивает в загорѣлой, волосатой рукѣ толстая палка — выразительный символ власти над пестрой толпой квартала...

Часто, со стороны порта проходят небольшими группами иностранные матросы в широчайших синих штанах и форменных куртках с отложными голубыми воротниками и лихо сидящими шапками-блинами с золотыми надписями кораблей. Вначалѣ вечера, они обычно мирно настроены и молодежато шагают гуськом, вырываясь с хохотом из цѣпких объятій прилипающих к ним по пути женщин. Затѣм побывав к концу вечера в нѣскольких барах и трактирах, они быстро пьянѣют, становятся буйными, нападают на мирных кули и женщин, затѣвают кровавыя побоища со встречными земляками, нерѣдко заканчивающіяся многочисленными жертвами...

Мѣстами из черных углубленій выходят, крадучись, китайцы с блѣдно зелеными лицами и больными, потухшими взглядами, от которых несет ѣдким, одуряющим запахом опія. Потайный вход ведет из коморки проститутки в небольшую узкую клѣтку, с тремя рядами нар по сторонам. На нарах лежат в разных позах курильщики, устремив застывшій взгляд в одну точку, гдѣ мѣняясь ежесекундно плывут пред ними яркія картины и образы, навѣянные разстроеной, больной фантазіей. В углу над входом, слабо мерцает почник и изрѣдка вспыхивает в черной мглѣ живой огонек в тоненькой трубочкѣ курильщика, освѣтив на одно мгновение безпрестанно движущіяся тѣни на стѣнах...

В полутемных лавченках старыя мегеры, — родственницы и хозяйки prostituteующих женщин и подростков, — всю ночь играют в кости, дожидаясь выручек своих рабынь. Временами, запыхавшись, бойко вбѣжит с улицы женщина и, грузно поднимаясь по узенькой, скрипучей лѣстницѣ, тащит за руку несмѣлаго гостя, путающагося ногами за длинныя полы халата. Старухи, между дѣлом, искоса поглядывают на кліента, опытным глазом оцѣнивают его, постукивая костяшками. На полу в кучѣ тряпок, спят дѣти. Изрѣдка раздастся во мглѣ отрывистый, испуганный вскрик ребенка, возбужденно лоплывут по стѣнам удлиненыя тѣни и снова наступит тишина и гулкій отчетливый стук костей сливается с таинственным шопотом старых вѣдьм и призывным взвизгиваньем женщин, доносящимся с улицы.

В концѣ квартала, в отдѣльном переулкѣ, среди китайских клѣтушек вкраплены небольшіе домики европейнок. По одной сторонѣ переулка тянется огромное кирпичное зданіе электрической станціи и земля дрожит под ногами от непрерывнаго стука моторов. У ярко освѣщенных дверей стоят, как на парадѣ, грубо намалеванныя женщины — европейки в пестрых коротеньких платьицах из прозрачной ткани на голое тѣло, позволяющія всѣм любоваться обнаженными ногами повыше колѣн и неприкрытым, густо набѣленным туловищем по пояс. Наиболѣе смѣлыя из них, завидѣвъ группу европейцев, раскрывают свои платьица и совершенно голая, в ярком свѣтѣ электричества, принимают свободныя позы, чтобы привлечь прохожих... Напудренные, подрумяненные, с темными подведенными глазами, в рѣзком свѣтѣ ярких огней, онѣ выглядят, словно кукольныя маски на уличном маскарадѣ, на базарѣ женских тѣл. И от того, еще загадочнѣй и таинственнѣй кажутся эти женщины с малеванными холодными лицами и лихорадочно поблескивающими глазами, поющія хриплыми голосами похабныя пѣсенки почти на всѣх языках и нарѣчіях, и необыкновенно заманчивыя чудятся грубые, вульгарныя жесты и призывы, обещающіе нѣчто необычайно-новое, неизвѣданное...

К полуночи улица переполнена европейскими матросами и конторскими служащими низших рангов, обходящими бары, танцевальные залы и дома терпимости. Здѣсь можно встрѣтить представителей всѣх націй и рас, явившихся на мировой рынок женскаго тѣла излить страсть, накопленную за долгіе мѣсяцы воздержанія во время плаванія по безбрежным океанам и морям. Небольшими группами и в одиночку они останавливаются у домиков зазывающих европейнок, шопотом стовариваются о цѣнѣ и покорно плетутся за избранной женщиной наверх по узенькой стоптанной лѣстничкѣ. В небольшом темном чуланѣ помѣщается грязная постель и подобіе умывальника, уставленного дешевой парфюмеріей и косметикой, — единственная мебель в убогой студіи любви... В бойкіе вечера, накануне праздников и воскресеній или, когда в порт одновременно прибывает нѣсколько больших кораблей, занятая женщины наглухо закрывают двери своих чуланов, и у входа толпятся кучки мужчин, терпѣливо дожидаящихся своей очереди...

Рядом с электрической станціей, на набережной зловоннаго канала, помѣщаются в глубинѣ двора городскія бойни. Здѣсь также всю ночь кипит работа. На улицѣ выплывают со двора хриплые, предсмертные вопли животных и, изрѣдка, залываясь, визжит недорѣзанный поросенок, отчаянно цѣпляющийся за жизнь. Со двора выѣзжают телѣги и грузовики, нагруженные ободранными, вздрагивающими, тепло дымящимися тушами животных. В темнотѣ жутко шевелятся под короткими брезентами кровавые обрубки быков и свиней, торчат во всѣ стороны изуродованныя конечности. В ночной тиши страшно выглядят измазанные кровью китайцы-возчики и таинственно звучат их горланно-хриплые, дѣловыя голоса. Со двора несет сырым ѣдким запахом крови, смѣшанным с отвратительным запахом гниющей требухи и навоза...

Немного дальше, ближе к центру города, свѣтятся во мглѣ игрушечные японскіе веселые домики, разукрашенные пестрыми бумажными фонариками над входом. В открытыя настеж двери видна большая, свѣтлая зала, выложенная мягкими соломенными циновками. У стѣн на полу сидят, поджав под себя ноги, молодая, размалеванная японки в пышных прическах пестрых кимоно и ярких оби. Нѣкоторыя из них грустно налѣвают впологолоса, аккомпанируя себѣ на кото. Прохожіе снимают обувь в маленькой передней-садикѣ, отгороженном от улицы невысоким деревянным забором и входят в дом с вѣжливыми, церемонными поклонами. К ним немедленно подсаживаются женщины и постепенно, по точно установленной программѣ, выполняется весь несложный обряд японской покупной любви. Сначала пьют в общей залѣ с женщинами теплое саки и европейскіе ликеры, хором поют національные пѣсни под нѣжный аккомпанимент кото. Затѣм, выбрав одну из присутствующих женщин, отправляются за нею в темный корридор, по сторонам котораго помѣщаются небольшія клѣтки с картонными, передвижными стѣнками. В углу клѣтки стоит миниатюрный комодик, игрушечный столик из чернаго дерева вышиной в пол-аршина, на полу, на циновках лежит тоненькое шелковое одѣяльце и деревянная подставка для головы...

Когда торговля в домиках неважная, товар показывается лицом... Всѣ дѣвицы выходят в переднюю и выстраиваются у дверей, мелькая яркочасочными шелковыми кимоно и оби и металлическими украшениями в пышных прическах. Переминаясь с ноги на ногу онѣ стоят покорныя и безмолвныя, чуть чуть вздрагивают в истомѣ тѣлами, изящно подгибая оголенные, упруго заостренныя колѣна, как подстрѣленные лани. Стройныя и хрупкія, онѣ выдѣляются в международной толпѣ женщин скромной ласковостью в движеніях, и безмолвно оглядывают проходящих мужчин, общая им томными взглядами любовную нѣгу и непрекословное повинове-

ние развращенным прихотям. В этом морѣ грязных, похотливых людей, онѣ, в сравненіи с убогоодѣтыми китайками, кажутся выхоленными в нѣгѣ сказочными принцессами-красавицами, словно яркіе цвѣты на темной зелени....

На разсвѣтѣ женщины становятся назойливѣе и смѣлѣе. Онѣ ловят прохожих за руки, с отчаяніем цѣпляются за длинные халаты навязчиво тащат их в свои каморки. Толпа мужчин становится все рѣже и рѣже, часть из них остается в грязных зловонных, кишаших наскѣкомыми клѣтушках проституток, другіе спѣшат на корабли, в порт, к ежедневному труду. С рѣки вѣет освѣжающій вѣтерок, уносящій смрадную, удушливую вонь, скопившуюся, как ѣдкій дым над улицей. Вдалекѣ, в городѣ, по одному тают электрическіе фонари и газовые рожки. Становится свѣтлѣе и уже явственно доносятся первые звуки проснувагося дня.

Вмѣстѣ с первыми косыми лучами теплаго кжнаго солнца заканчивают игру старыя мегеры в клѣтушках. Онѣ складывают костяшки и вяло подсчитывают проигрыш. При смѣшанном свѣтѣ дня и тусклаго ночника слѣпятся красныя, воспаленныя глаза, еще страшнѣе выглядят сморщенные черепа и старческія уродливыя лица. Онѣ мрачныя укладываются на нарах, лѣниво еѣвают и плюют с тошноты и, в невеселых думах о проигрышѣ, недовольно кряхтят, словно разбитыя, дребезжащія машины... Вслѣд за ними молодыя женщины и подростки закладывают наглухо столбами входныя двери и отправляются наверх в свои каморки...

Тихо на «веселой улицѣ»...

Спят, развалившись в своих клоповниках жалкія, несчастныя рабыни, громко храпящія в неспокойном снѣ, чтобы через нѣсколько часов опять проснуться к разврату, побоям и пьянству. Лишь изрѣдка, сквозь наглухо заколоченныя двери раздается по пустой тихой улицѣ нокшее, однотоное всхлипываніе женщины...

Со стороны Пу-туна доносятся побѣдные гудки фабричных сирен, слегка заглушенные невидимой далью, такіе рѣзкіе, властные, всемогущіе... И, с каждым гуком, все нерянье, напряженнѣй спѣшат кули, словно огромное стадо, подгоняемое визжащим свистом кнута...

2. СМѢЮЩИЙСЯ БУДДА.

На берегу зловоннаго канала, против строящагося пятиэтажнаго зданія фабрики, стоит древній буддійскій храм, окруженный слѣпой камечной стѣной. Вдалекѣ за храмом тянется огромный пустырь, усыянный могильными курганами и истлѣвшими, разсыпавшимися от ветхости гробами, над которыми кружатся цѣлыя тучи хищных птиц. На горизонтѣ чернѣет зубчатый вал городских стѣн, зеленѣют берега мутно-желтой рѣчки, уходят вдалѣ свѣтло-сѣрыя просовыя поля, скрываясь за черной башенкой высокой пагоцы, окруженной каменными человѣкоподобными чудовищами—древними памятниками княжеской семьи. Еще дальше видны сѣрыя, продолговатыя хибарки деревни с остроконечными, лѣстницеобразными черными крышами, похожіе на покинутые гробы великанов.

Из огромнаго внѣшняго двора базара высокія зубчатые ворота с характерными китайскими орнаментами ведут в первую храмовую залу — «Храм Царей Небес». В четырех углах стоят четыре божественныя Стражи храма, символизирующіе четыре страны свѣта. Восток держит в руках лютию 1), Юг—саблю 2), Сѣвер—зонт 3), а Запад—змѣю 4). В центрѣ залы, лицом ко вхо-

1) Чтобы музыкой исправлять сердца людей. 2) Для уничтоженія злых духов. 3) Чтобы покрывать и защищать людей. 4) С помощью которой оно преодолевает и контролирует Зло.

ду, сидит поджав под себя ноги, вѣчно смѣющийся Будда 5). Позади Будды помѣщается главный из тридцати двух военначальников Небесных Царей.

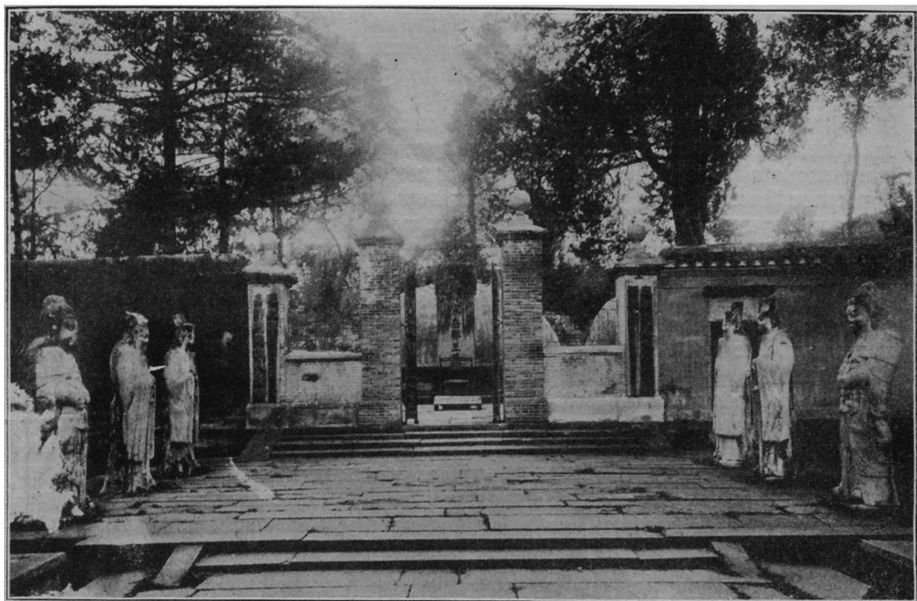
Настеж раскрытыя двери «Храма Царей Небес» ведут через небольшой внутренней дворик, выложенный каменными плитами с засохшими пальмами в углах, в главную залу. У задней стѣны сидит божественный Ши-цзя-му-ни 6) с двумя товарищами по обѣм сторонам 7). Позади помѣщается Всеми-лостивѣйшая Богиня Милосердія со множеством простертых вперед рук, 8) словно отвѣчающей на просьбы молящихся. По боковым стѣнам слѣва и справа от Ши-цзя-му-ни стоят восемнадцать богов—Ло-хань 9).

Судьбы богов также разнообразны, как—людей. Одни из них ярко освѣщены восковыми свѣчами и тлѣющими благовонными палочками, воткнутыми в большія вазы из бѣлаго метала наполненные песком; перед другими лишь слабо мерцают одинокіе огоньки или вьется единственный синенькій дымок; иные завистливо смотрят из глубины темных алтарей на счастливых товарищей. Наибольше чтимые боги чисто вымыты и пестрят ярким красочным олѣянiем и позолотой: блестят как зеркала, ярко начищенные вазы с песком. Остальные боги покрыты толстым слоем пыли и в неровном свѣтѣ огня еще мрачнѣе и таинственнѣе выглядят страшныя лица с прилипленными длинными черными бородами из человѣческих волос. Многие из них стоят насто-рожившись в воинственной позѣ, кто с копьем, кто с топором, а кто-просто с дубиной... И оттого, должно быть, в темнотѣ чудятся шатающіяся тѣни на стѣнах, шушукуются старыя вѣдьмы и колдуны, рыскают в черных впадинах красныя черти с круглыми зелеными глазами и плачут навзрыд, носясь под потолком, безпріютныя блуждающія души. Лишь мѣднѣй, ярко начищенный, вѣчно смѣющийся Будда сидит мирно поджав под себя ноги и, широко разинув беззубый рот, придерживает руками оголенный живот с массивными, жирными складками и прыгающей от хохота пуповиной...

В глубинѣ алтарей, позади богов, дремлют бонзы с бритыми головами. Из курительных ваз медленно выются в высь бѣлыя колечка дыма благовонных курений. Изрѣдка прошаркает мягкими туфлями по каменному полу прислужник-монах, раздастся легкой треск угасающей свѣчи, неожиданно в настѣж раскрытыя двери ворвется продолжительный торжествующій крик паровоза со стороны желѣзнодорожной насыпи, отдаленным гулом доносится с внѣшняго храмового двора многоголосый стон толпы и неумолчно, монотонно и дробно, с мягким призывом, стучат в пустые боченки-барабаны молящiеся монахи, напѣвая вполголоса молитвы.

В храм входит китаянка-подросток лѣтъ четырнадцати в шелковой свѣтло сиреновой курточкѣ, узеньких темно-лиловых панталонах, зеленых чулках и красных туфельках. Длинная черная коса перевита алыми ленточками. Золотые гребни и булавки с пестрыми камушками украшают кокетливо-подстриженную челку над лбом, над тонкими, разрисованными бровями. Дѣтское однотонно-нѣжное личико цвѣта темноватой слоновой кости дышет всѣми порами, словно сѣжій нетронутый персик на зеленой вѣточкѣ. Узкіе, ко-сопоставленные темнокоричневые глазки сочно блестят под черными густыми рѣсницами, все осматривают, любопытно ощупывают, отражая горящiя свѣчи,

5) Смѣх Будды показывает его благоволеніе ко всѣм людям, добрым и злым, без различія. 6) Легендарный индійскій принц, основатель буддизма. 7) Ши-цзя-му-ни и его товарищи по обѣм сторонам называются Сань-ши жу-лай («Вѣчные трех періодов»), т. е. от времени первоначальнаго сознанія (совѣсти) к настоящему и будущему сознанію. Причем Ши-цзя-му-ни представляет настоящее, сидящій по правой сторонѣ от него Яо-ли (врач) будущее, а слѣва—А-ми-то—прошедшее. Иногда вмѣсто трех бывает пять изображеній в группѣ. Тогда сидящій в промежуткѣ между Ши-цзя-му-ни и его товарищем справа называется Цзя-си, а слѣва—А-нань. Оба они являются учениками Ши-цзя-му-ни. 8) Богиня Милосердія бывает изображена также держащей на руках сына и во многих других позах, иллюстрирующих ея дѣятельность. 9) Ло-хань—главные ученики Будды.

Буддiйскiй храм.

Young Photo Co.

Храмовой двор.

Photo H. Lee Co.

позолоту и красочные одежды богов тысячу радужными огоньками. Тонкя ноздри слегка приплюснутаго носика ушаченно вздымаются и влажно блестят миниатюрные бѣлые ровные зубы меж яркими, сочными, похожими на лепестки алой розы, губами.

В храмѣ полутемно, прохладно и тихо. Отдаленно бубнит молитвенный барабан в главной залѣ и неясным гулом врывается уличный шум. У самага входа в 'Храм Царей Небес', за столом покрытым малиновым шелком с золотыми іероглифами, уснул бонза-гадатель, погрузив лицо в сложенную пирамиду свернутых бумажных папирусов и вкусно храпит, смачно причмокивая губами. Боги тѣснѣ сдвинулись вокруг, застывши в глубинѣ алтарей, и неслышно дышат.

Ваза-подсвѣчник перед смѣющимся Буддой ярко освѣщена свѣчами и тлѣющими благовонными палочками. Дѣвушка благоговѣйно опускается на колѣни на вытертой бархатной подушечкѣ перед Буддой, прожасанными ручками втыкает зажженную свѣчу в песок бѣлой вазы, припадая лбом к обнаженным стопам Его. Молитвенно потрясая сложенными ручками она о чем то умоляет Будду, тоненькая и хрупкая, и трогательно выглядят огослѣнные нѣжные полоски ножек между короткими темнолиловыми штанинами панталон и шелковыми зелеными чулочками с голубыми подвязками... Дрожащіе огни свѣч отражаются в блестящих капельках-слезинках, стекающих по упруго-выпуклым щечкам и гулкое эхо отдает сонном звуков тоненькое дѣтское всхлипываніе. Вмѣстѣ с дѣвушкой звонче рыдают безпріютныя блуждающія души под потолком, быстрѣе бѣгают тѣни по стѣнам и грозно мечут сердитые взгляды сонные боги во мглѣ. Лишь молодой бонза в красной восьмиугольной шапочкѣ спрятался за дымом благовонных куреній в глубинѣ ближайшаго алтаря, приковавъ взгляд к дѣвушкѣ,.....

Поддерживая руками оголенный живот с жирными складками и прыгающей пуповиной, смѣется Будда....

Во внѣшнем дворѣ храма солнце немилосердно жжет с высоты. Накаленный воздух радужно дымитсѣ из куч мусора и отбросов, распространяющих палеко вокруг одуряющее зловоніе. У ворот полунагіе китайцы, напѣвая, выкрикивают свои товары. На низких прилавках, в корзинах и на землѣ возвышаются кучи арбузов, дынь, винограда, груш, яблок, персиков, банан, абрикосов, апельсинов, помидоров, рѣдьки, рѣпы, луку, чесноку и других фруктов и овощей.

Под открытым небом работают переносныя базарныя кухни. На больших сковородах, наполненных до краев черным пригорѣлым бобовым маслом, жарятся пирожки и лепешки самых разнообразных видов, готовят разные жаркое, коптят над огнем кур, гусей и цѣлых поросят. Тут же в деревянных лоханках уличные повара мѣсят тѣсто для лапли, пельменей и пирожков, погружая до плеч обнаженных вспотѣвших руки, покрытых толстой корой грязи. В больших жестяных чанах варят различные супы, пельмени и лапшу: бѣлые клубы пара и угарный чад окутывает весь обширный двор, пропитывает противным запахом всю толпу. Вокруг кухонь столпились голодныя стаи кули с глиняными мисочками в руках. Они ловко орудуют захватанными грязными палочками и жадно хлеблют из мисок мутныя супы и варева из гнилья и отбросов.

В углу двора дают представленіе странствующіе актеры, зазывая публику неистовым боем в барабан, под аккомпанимент оглушающих гонгов и визжащих скрипок. В пестрых, богато вышитых исторических костюмах с примитивно приклееными необыкновенно длинными бсродами и усами, разукрашенные неестественно-яркими красками, они изображают богов, добрых и злых духов, чертей, вѣдьм, колдунов, императоров и мандаринов. Окружающая публика бурно переживает представленіе, скупно подбрасывая в подставленный таз мѣдные дырявыя кеши.